

ШВЕЙЦЕР А. Д.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

За последние годы как у нас в стране, так и за рубежом наблюдается значительная активизация научного поиска в области изучения перевода — этой сложной и в значительной мере еще непознанной сферы взаимодействия языков и культур. Появилось немало серьезных исследований, в том числе и лингвистических, проливающих новый свет на языковую природу процесса перевода [1—6]. Если в отношении ранних лингвистических работ по теории перевода были в известной мере справедливы слова советского переводчика и литературоведа И. А. Кашкина о том, что «лингвистическая теория перевода по необходимости ограничена рамками соотношения двух анализируемых языков» [7, с. 444], то в отношении исследований 70-х и 80-х годов такой упрек был бы явно необоснован. В центре внимания специалистов находится широкий круг вопросов, далеко выходящих за рамки узколингвистического подхода: стратегия переводческого решения, языковые и внеязыковые факторы, влияющие на процесс межъязыковой коммуникации, перевод как явление не только языковое, но и социально-культурное.

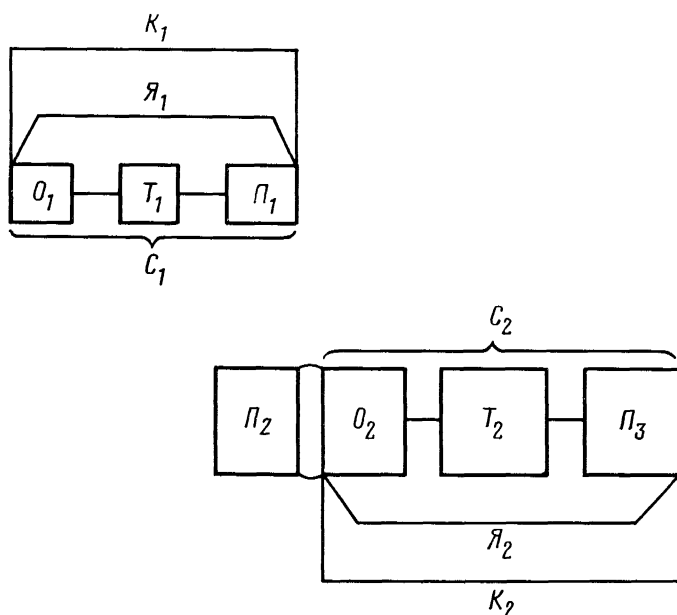
Современная лингвистическая теория перевода рассматривает перевод как особую коммуникативную ситуацию, в которой соприкасаются не только разные языки, но и разные этносы и социумы. Эта теория не сводится к простому перекодированию языковых единиц, а представляет собой сложный процесс создания нового текста — аналога оригинала, предназначенного для функционирования в совершенно иной социальноэтической среде.

Мощным стимулом для развития этого современного направления теории перевода явился поворот современного языкознания от ориентации на имманентные свойства языка и на статические описания внутрисистемных отношений к установке на раскрытие связей между языком и человеком, между языком и обществом, на выявление динамики функционирования языка в реальных ситуациях общения. Думается, что сотрудничество с возникшими в связи с этой новой ориентацией направлениями, в том числе с социалингвистикой, открывает широкие перспективы перед теорией перевода.

Социальная природа перевода за последние годы все больше привлекает к себе внимание исследователей. Так, один из основателей лейпцигской школы теории перевода О. Каде рассматривал перевод как важнейший вид языкового посредничества (Sprachmittlung), т. е. межъязыковой коммуникации, представляющей собой общественное явление — языковую деятельность людей, связанную общественными условиями и служащую общественным целям [8, с. 29]. В советском языкознании идеи О. Каде получили развитие в работах Л. К. Латышева, рассматривающего общественное предназначение перевода как его постоянный классифицирующий признак во всех его реализациях [9, с. 8].

Социальные аспекты перевода в той или иной форме получали известное освещение в работах по теории перевода. Однако в этих работах они чаще всего рассматривались разрозненно, без привлечения понятийного аппарата, разработанного современной социалингвистической теорией. Между тем есть основания полагать, что, будучи общественно детерминированным явлением, перевод обладает рядом существенных черт, входящих в сферу компетенции социалингвистики. Среди социалингвистических проблем, имеющих прямое отношение к переводу, следует, в первую

очередь, выделить такие, как «язык и социальная структура», «язык и культура», «язык и социология личности». В соответствии с этим важно рассмотреть следующие три стороны перевода: а) перевод как социально детерминированный коммуникативный процесс; б) социальная норма перевода; в) перевод как отражение социального мира.

Рассмотрим прежде всего социальные аспекты перевода как коммуникативного процесса. Обычно этот процесс изображается в виде известной схемы, включающей такие компоненты, как отправитель исходного текста (O_1), исходный язык ($Я_1$), исходный текст (T_1), переводчик, действующий как получатель исходного текста ($П_2$), язык перевода ($Я_2$), текст перевода (T_2) и получатель перевода ($П_3$). Недостаток этой схемы в том, что она исходит из перевода как чисто языковой операции. Между тем, как справедливо отмечает В. Вильс, перевод следует скорее рассматривать как психолингвистический и социолингвистический процесс [5, с. 76]. Поскольку в нашу задачу не входит рассмотрение психолингвистических аспектов перевода, ограничимся ссылкой на то, что помимо двух языков — исходного и языка перевода — модель перевода как коммуникативного акта должна включать и две культуры, и две социальных ситуации. В самом деле, процесс перевода пересекает не только границы языков, но и границы культур. Создаваемый при этом текст транспонируется не только в другую языковую систему, но и в систему другой культуры. Вместе с тем он реализуется в рамках двух социальных ситуаций — ситуации (C_1), участниками которой являются отправитель исходного текста и его получатель — носитель исходного языка и исходной культуры (K_1), и ситуации (C_2), в которой участвуют переводчик и воспринимающий текст перевода носитель другого языка и другой культуры (K_2).

Рассматривая эту схему, следует, прежде всего, иметь в виду, что из множества лежащих в ее основе отношений для социолингвистической теории перевода особое значение приобретают прагматические отношения, т. е. иными словами, отношения между текстом и участниками коммуникативного акта — отправителями и получателями сообщения. Не случайно Ю. Найда, выдвинув на основе сходной схемы понятие динамической эквивалентности текстов при переводе, определил его как соответствие между восприятием исходного текста (T_1) получателем ($П_1$) и восприятием текста перевода (T_2) получателем перевода ($П_3$) [10, с. 202].

При этом следует подчеркнуть, что для теории перевода понятие «прагматический», как и для социолингвистики, приобретает не индивидуально-субъективное, а социально-объективное значение. Иными словами,

в теории перевода речь идет не о субъективной реакции конкретного получателя на данный текст, а о восприятии текста или, точнее, того или иного класса или типа текстов определенными социальными категориями получателей [11, с. 60].

Затронутый выше вопрос имеет принципиальное значение для теории перевода. Дело в том, что в некоторых работах по переводу высказывается мысль о том, что поскольку переводчик имеет дело не со всеми текстами данной эпохи или данного автора, а с отдельным конкретным текстом, теория перевода должна строиться не на создании общих моделей процесса перевода, а на выработке гибкой герменевтической стратегии интерпретации текста. «Наблюдение над отдельными текстами, — пишет сторонник этой концепции Р. Штольце, — важнее для адекватной деятельности переводчика, чем выдвижение гипотез об этой деятельности» [12, с. 201]. Думается, однако, что такой сугубо эмпирический подход противоречит самой сущности теории, которая всегда строится на обобщении, на выдвижении гипотез и их верификации. Попутно отметим, что, вступая в явное противоречие со своим постулатом, Р. Штольце в своих наблюдениях над отдельными текстами оказывается вынужденным оперировать такими обобщенными понятиями, как технический текст, юридический текст, экономический текст и др. В целом можно согласиться с А. Нойбертом, который усматривает собственно социолингвистический аспект перевода как коммуникативного процесса в том, каким образом в коммуникативной общности носителей языка перевода при данных социальных условиях реализуется потребность в переводе с учетом специфики данного класса текстов исходного языка [13, с. 54].

Рассмотрим различные виды социально обусловленных прагматических отношений, определяющих сущность перевода как коммуникативного акта. Прежде всего существенным для перевода представляется отношение «отправитель — текст» ($O_1 — T_1$). Оно может быть охарактеризовано как коммуникативная установка отправителя или, иными словами, как прагматическая мотивация исходного текста.

Конкретные коммуникативные функции, выполняемые текстом в соответствии с его прагматической мотивацией, поддаются обобщению, на основе которого строится функциональная типология текстов. Одну из попыток создать такую типологию применительно к теории перевода предприняла К. Райсс, выделившая три основных типа текстов — информативный, экспрессивный и оперативный, соответствующих различаемым К. Бюлером трем функциям — обозначению, выражению и апелляции [14]. Еще ранее другая функциональная типология (Р. Якобсона) была использована для описания перевода как коммуникативного акта в моей книге [15, с. 66—68].

Важность учета функциональных характеристик текста связана с тем, что они в значительной мере определяют решение переводчика. Недостатком функциональных классификаций текстов является то, что они чаще всего сводят функциональную характеристику текста к какой-то одной функции. Между тем реальные тексты, с которыми имеет дело переводчик, как правило, полифункциональны. Именно в этой связи мною было в свое время выдвинуто положение о функциональных доминантах текста как о комплексе функциональных характеристик, играющих в нем ведущую роль, отвечающих коммуникативной установке отправителя и определяющих закономерности анализа и синтеза языковых средств. Специфичная для данного текста конфигурация функциональных доминант и образует тот инвариант, который сохраняется в процессе перевода [15, с. 68—70]. Впоследствии это положение легло в основу выдвинутого Р. Левицким тезиса о функциональной адекватности перевода, сформулированного следующим образом: «Функциональная адекватность обозначает аналогичность связей между компонентами переводного текста по отношению к связям между компонентами текста подлинника» [16, с. 70]. При этом под понятием связи компонентов подразумевается функция отдельных компонентов в относительно замкнутом, функционирующем в определенных культурно-общественных условиях тексте. Иными сло-

вами, в функционально адекватном переводе функции компонентов оригинального текста, образующие функциональные доминанты текста как целого, должны быть сохранены в максимальной степени.

Интерпретация прагматической мотивации оригинального текста и связанное с этим выявление его функциональных доминант определяют стратегию перевода. Это особенно ярко проявляется в тех случаях, когда передача одной из функциональных характеристик текста оказывается несовместимой или неполностью совместимой с передачей других. Ср. следующий пример из перевода на русский язык пьесы. Б. Шоу «Дом, где разбиваются сердца»: «*M a z z i n i. The fact is, you dont strike on my box, and I certainly dont strike on yours.— M r s. H u s h a b y e. I see. Your marriage was a safety match.*». «М а д з и н и. Дело в том, что Вы, как бы это сказать, от меня не загоритесь, и я от Вас не загорюсь.— М и с с и с Х э ш е б а й. Понятно, Ваш брак, по-видимому, это нечто вроде пожарного крана».

Здесь важно было передать не сам каламбур (по английски *safety match* — это и «безопасная спичка», и «безопасный брак»), а выполняемую им экспрессивную функцию. Такой перевод повлек за собой известные модификации как смысловой, так и образной структуры оригинала.

Не менее важно с точки зрения определения конечного результата процесса перевода и отношение O_2 — P_3 (переводчик — получатель перевода). Здесь наиболее ярко проявляется то, что переводимый текст не только воплощается в материи другого языка, но и переносится в другую культуру. Об этом свидетельствует следующий пример из перевода на английский язык романа Достоевского «Идиот»: «... он останавливал прохожих и слогом Марлинского просил вспоможения под коварным предлогом, что он сам „по пятнадцати целковых давал просителям“». «*He had been accosting passers-by in the florid style of Marlinsky and begging them for a few coppers under the artful pretext that in his time he used to give away as much as fifteen roubles to those in need.*».

Перевод этого отрывка требует преодоления не только социально-культурной, но и временной дистанции, отделяющей читателя оригинала — современника Достоевского от читателя перевода. Ведь если у первого имя русского писателя XIX в. Марлинского и его стиль связывались с совершенно определенными представлениями и социальными установками, то современный читатель (англичанин или американец) нуждается в раскрытии хотя бы наиболее существенных черт этой аллюзии. Именно этим объясняется то, что в переводе речь идет не просто о «слоге Марлинского», а о цветистом слоге (*florid style*).

В свое время А. Нойберт предложил классификацию текстов с учетом их ориентации на различные категории получателей: тексты, ориентированные на носителя исходного языка и исходной культуры, тексты, ориентированные на иноязычного получателя, носителя иной культуры, тексты, занимающие промежуточное положение между первыми и вторыми, и, наконец, тексты, лишенные специфической ориентации на носителя определенного языка и определенной культуры [17].

Тексты первой категории (некоторые законоположения, материалы местной прессы, освещающие внутренние события, реклама, рассчитанная на внутренний рынок, и др.) полностью исходят из специфических черт получателя исходного текста, из его знаний, психологии, из окружающей его социально-культурной среды. Тексты такого рода порой непонятны иноязычному получателю даже при наличии семантически точного перевода. Например, текст рекламы сигарет „Уинстон“ (*Bad grammar, good taste*) представляет собой понятную лишь американцу аллюзию (прежний текст — *Winston tastes good like a cigarette should* — вызвал многочисленные нарекания из-за того, что в нем в нарушение грамматической нормы использовалось *like* вместо *as*). Иными словами, тексты этой группы адресованы тем, кто владеет не только исходным языком, но и социально-культурными нормами его функционирования.

К текстам второй группы относятся различные материалы, адресованные иноязычному получателю. В идеале такие тексты не нуждаются

в культурной адаптации, поскольку они пишутся (или, по крайней мере, должны писаться) с учетом особенностей восприятия иноязычного читателя или слушателя. К третьей группе относятся произведения художественной литературы, созданные в первую очередь для носителей исходной культуры и исходного языка, но имеющие к тому же и общечеловеческую ценность. Такие тексты порой нуждаются в культурной адаптации, но, разумеется, не в такой мере, как тексты первой группы. И, наконец, последняя группа включает научные тексты, адресованные ученым, в равной мере знакомым с предметом и обладающим более или менее одинаковым объемом исходной информации. Культурная адаптация таких текстов сводится к учету находящейся в них отражение научной традиции, имеющей порой национальную и культурную специфику и воплощающейся в частичной несоизмеримости терминологических и понятийных систем.

Адаптация текста, связанная с его транспонированием в иную культуру, смыкается с одной из фундаментальных проблем социолингвистики — проблемой «язык и культура». В этой связи уместно вспомнить слова известного французского лингвиста Ж. Мунена, считающего, что переводчик, не выполняющий одновременно функции этнографа, не может полностью справиться со своей задачей [18]. Вместе с тем культурная адаптация текста — и в этом проявляется один из многочисленных парадоксов перевода — не может быть абсолютной. В самом деле, перевод произведения классиков, переводчик, с одной стороны, несколько адаптирует текст, приближая его к современному читателю (например, произведение Шекспира переводится не на русский язык шекспировской эпохи, а на язык современный, легко воспринимаемый русским читателем XX в.), а, с другой, использует особые языковые средства для сохранения старинного колорита («патину», по образному выражению Вл. Россельса [19]). Поскольку эти средства не выстраиваются в ряд однозначных соответствий архаичным элементам оригинала, возникает необходимость в переводческой компенсации: потеря в одном месте текста компенсируется в другом. Так, в переводе М. А. Дьяконова фраза Теккерея из «Ярмарки тщеславия» *holding her green eyes downwards* приобретает старинный колорит: «потупив долу свои зеленые глаза». Зато в других местах из-за отсутствия подходящего соответствия переводчик был вынужден передавать архаичные элементы текста вполне современным русским языком. И в этом нет беды, т. к. отмеченные «патиной» элементы придают старинный колорит не отдельным словам, а тексту в целом.

То же самое относится и к преодолению дистанции между двумя культурами. Эта дистанция никогда полностью не исчезает. Абсолютизация принципа культурной адаптации приводит не только к утрате национального колорита оригинала, но и — при переводе на русский язык — к его русификации, против которой выступал еще Некрасовский «Современник», где был высмеян один из таких переводов [20, с. 79].

Важнейшими звеньями перевода как коммуникативного акта являются также отношения «оригинал — переводчик» (T_1 — P_2) и «переводчик — конечный текст» (O_2 — T_2), связанные с участием в этом акте переводчика. В идеале переводчик, выступающий в роли получателя исходного текста (P_2) и отправителя текста перевода (O_2), «входит в образ автора» и полностью перевоплощается в него. Однако такое перевоплощение осуществимо лишь в идеальной схеме перевода. На деле же переводчик, подобно актеру, перевоплощающемуся в действующее лицо драматического произведения, не утрачивает и своих личностных характеристик. Чем выше удельный вес творческого начала в процессе перевода, тем ярче сквозь текст перевода проступает личность самого переводчика, его социальные установки, ценностная художественно-эстетическая ориентация. «Во всяком мастерстве, в том числе и мастерстве перевода, — писал в свое время К. И. Чуковский, — неминуемо отражается мастер» [20, с. 41]. Особенно рельефно личность переводчика проявляется в поэтическом переводе. В этом легко убедиться, сравнив, скажем, оригинал известной баллады Р. Бернса «Джон — Ячменное зерно» с переводами С. Маршака и Э. Баррицкого: «There was three kings into the east,/Three

kings both great and high/. And they hae sworn a solemn oath/ John Barleycorn should die/. They took a plough and plough'd him down,/Put clods upon his head, /And they hae sworn a solemn oath/ John Barleycorn was dead». Перевод С. Маршака: «Трех королей разгневал он, / И было решено, / Что навсегда погибнет Джон /Ячменное зерно /. Велели выкопать сохой / Могилу короли /, Чтоб славный Джон, боец лихой / Не вышел из земли ».

Перевод Э. Багрицкого: «Три короля из трех сторон /Решили заодно:/ Ты должен сгинуть, юный Джон / Ячменное зерно! / Погибни, Джон, в дыму, в пыли, Твоя судьба темна! / И вот взрывают короли / Могилу для зерна».

Нет никакого сомнения в том, что как в интерпретации оригинала, так и в его воссоздании оба переводчика стремились точно передать и смысловое содержание подлинника, и характерную интонацию бернсовского стиха. Однако в первом переводе легко угадывается творческий почерк С. Маршака, а во втором — Э. Багрицкого.

К переводу как коммуникативному акту вполне приложима разработанная английским лингвистом М. А. К. Хэллидеем социально-семиотическая модель текста и детерминирующей его ситуации [21, сс. 139—145]. Согласно Хэллидею, семиотическая структура ситуации образуется на основе взаимодействия элементов триады — поля (field), или типа социального действия, тональности (tenor), или типа ролевых отношений, и модуса (mode), или типа символической организации. Поле включает комплекс социальных актов определенной конфигурации, в рамках которых соответствующую роль играет и текст. Структура ролевых отношений охватывает отношения между участниками социального действия, в том числе и речевой деятельности. Структура межличностных отношений между участниками коммуникативного акта лежит в основе тональности текста. Модус — это способ речевой организации, определяемый символическими формами взаимодействия, письменными и устными, а также их жанровыми разновидностями.

Рассмотрим в качестве примера газетный текст, входящий в поле массовой коммуникации. Одним из языковых рефлексов этой коммуникативной ситуации является стандартизация языка, степень которой колеблется в зависимости от типа (жанра) текста. Особенно четко стандартизация синтаксиса выявляется при анализе построения зачина газетно-информационной заметки. В американской и английской прессе зачин, резюмирующий наиболее существенную информацию, содержащуюся в тексте, должен в принципе отвечать на шесть вопросов: кто? что? когда? где? как? почему? Чаще всего порядок следования смысловых компонентов зачина следующий: 1) событие предшествует указанию на источник информации; 2) агенс предшествует действию, за которым следует сперва указание на место, а затем на время действия: «Gen. Pierre Koenig, former French Defence Minister and military governor of Paris after the Liberation in 1944, died in hospital in Paris on Wednesday, it was announced yesterday». Зачин русской информационной заметки строится иначе: 1) источник информации обычно фигурирует в самом начале; 2) действие регулярно предшествует агенсу, а указание на время и затем на место — агенсу. Соблюдение этого правила приводит к следующей перегруппировке компонентов высказывания при переводе: «Согласно поступившему вчера сообщению, в среду в Париже скончался в госпитале генерал Пьер Кёниг, бывший после освобождения Франции в 1944 г. министром обороны и военным губернатором Парижа».

Стандартизация структуры газетно-информационной заметки является одним из проявлений отмеченной В. Г. Костомаровым [22] тенденции языка газеты к стандартизации (регулярности, повторяемости, воспроизводимости). Эта тенденция связана с высокими темпами газетного производства, его массовостью, широкомасштабностью и унификацией. Таким образом перевод как коммуникативный акт отражает не только специфические черты того или иного типа речевой деятельности, но и ряд характерных признаков социальной деятельности, частью которой она является.

В связи со сказанным встает вопрос о социальной норме перевода. Как и любая социальная норма, норма перевода является механизмом, через посредство которого общество детерминирует поведение личности [23]. Социальная норма перевода представляет собой совокупность наиболее общих правил, определяющих стратегию переводческого решения. Эти правила в конечном счете отражают те требования, которые общество предъявляет к переводчику. Не будучи чем-то раз и навсегда заданным, они меняются от эпохи к эпохе и представляют собой исторически изменчивое явление. Указанные требования, порой несовместимые друг с другом, можно назвать «парадоксами перевода». Одним из важнейших парадоксов является совмещение тенденции к предельной точности и тенденции к воспроизведению смысла подлинника. В своем крайнем воплощении эти тенденции приводят, с одной стороны, к буквалистскому воссозданию оригинала в ущерб его общему смыслу и языку перевода, а с другой — к так называемому вольному переводу, допускающему неоправданные отступления от оригинала во имя передачи его духа.

Известным проявлением первой тенденции являются средневековые переводы Библии, буквальность которых, как отмечает А. В. Федоров, «проистекала не столько из осознанного теоретического принципа, сколько из пиетета, из „трепета“ перед библейскими текстами» [24, с. 25]. Впоследствии эта норма была расшатана, и некоторые современные переводы Библии характеризуются установкой на вольный перевод. Об этом, в частности, свидетельствуют два перевода одного и того же отрывка из «Послания римлянам», приводимые Ю. Найдой [25, с. 256—257] — старый и новый: 1) «Through whom we have received grace and apostleship unto the obedience of faith among all nations for his name's sake»; 2) «Through him God gave me the privilege of being an apostle for the sake of Christ, in order to lead people of all nations to believe and obey». Рассмотрим еще один парадокс перевода, о котором речь уже частично шла выше, — требование транспонировать текст в культуру получателя и одновременно сохранять его «инокультурный» колорит. В прошлом это требование было не столь жестким, о чем свидетельствуют, в частности, некоторые русские переводы XIX в., в которых текст оригинала подвергался полной русификации. Ср., например, приписываемый О. И. Сенковскому перевод цитированной выше баллады Бернса «Джон — Ячменное Зерно»:

Были три царя на Востоке,
Три царя сильных и великих;
Поклялись они, бусурманы,
Известь Ивана Ерофеича Хлебное-зернышко.
И вырыли они глубокую борозду, да и бросили его в нее,
И навалили земли на его головушку;
И клялись они, бусурманы,
Что извели Ивана Ерофеича Хлебное-зернышко.

Переведенное ритмизованной прозой в духе русской народной быliny и включающее элементы русского просторечия (*бусурманы, известь*), это произведение явно не соответствует современной норме перевода и может расцениваться как стилизованное переложение [26, с. 543].

Некоторые нормы перевода еще находятся в процессе формирования. Об этом, в частности, свидетельствуют дискуссии под рубрикой «Арифметика и алгебра перевода» в «Литературной газете», а также на страницах ряда литературных журналов. Так, в частности, среди литературных критиков и самих переводчиков отсутствует единодушие по таким вопросам, как допустимость проявления творческих личностей переводчика в художественном переводе, возможность использования элементов просторечия в тексте перевода и др. Невозможность однозначного решения этих вопросов связана со сложностью и противоречивостью перевода, с его многочисленными «парадоксами».

Наконец, еще одним существенным социолингвистическим аспектом перевода является отражение социального мира в процессе межкультурной коммуникации. Эта проблема характеризуется двумя основными аспектами. Первый аспект связан с непосредственной передачей в тексте

перевода социальных реалий исходной социокультурной системы, а второй — с опосредованным отражением социальной дифференциации общества через социально обусловленную дифференциацию языка.

Проблема перевода социальных реалий связана с поиском их функциональных аналогов в другой культуре. Порой вся сложность этой проблемы проистекает на основании разного членения социальной действительности. Рассмотрим в качестве примера трактовку в «Большом англо-русском словаре» понятия «middle class»: «люди среднего достатка, средние слои общества (средняя и мелкая буржуазия, интеллигенция, служащие, высокооплачиваемые рабочие)». В то же время в контексте словосочетания этот термин порой конкретизируется и приобретает однозначные соответствия в русской общественно-политической терминологии: *upper middle class* «крупная буржуазия»; *middle class prejudices* «буржуазные предрассудки».

Еще сложнее обстоит дело с передачей социальных реалий в тех случаях, когда речь идет о культурах, разделенных значительной дистанцией. Так, по свидетельству Ю. Найды, для английского словосочетания *common people* «простые люди» на языке майя удалось найти лишь более или менее адекватное описательное соответствие «люди, живущие на окраине поселка», поскольку в культуре индейских племен Юкатана удаленность жилья от центра поселка является показателем социально-экономической стратификации [27, с. 93].

Социально обусловленная вариативность языка находит свое воплощение в речи персонажей, а порой и в авторской речи. По мнению А. Нойберта, «решающее значение для теории перевода имеют результаты сопоставления двух систем вариативности» — исходного языка и языка перевода [13, с. 54]. Сопоставляя эти системы, следует помнить, что социальная вариативность языка и речи характеризуется наличием двух измерений — стратификационного и ситуативного. Стратификационная вариативность самым непосредственным образом связана с социальной структурой общества и находит свое выражение в тех языковых и речевых различиях, которые обнаруживаются между представителями различных социальных слоев и групп. В то же время ситуативная вариативность проявляется в преимущественном употреблении тех или иных языковых средств — отдельных единиц или целых систем или подсистем — в зависимости от социальной ситуации [28, с. 78—79].

В комедиях Аристофана дорийский диалект служит в качестве стратификационного маркера, характеризующего провинциала, не владеющего образцовой аттической речью. В некоторых переводах комедии «Лисистрата» на английский язык в качестве аналога дорийского диалекта используются местные диалекты английского языка. Так, например, в английском издании один из персонажей, спартанский гонец, говорит на шотландском диалекте (Scots): «H e r a l d. Whaur sall a body fin' the Athanian senate/Or the gran lairds? Ha gotten news to tell». В американском издании аналогичную функцию выполняет южный диалект американского варианта английского языка: «H e r a l d. This Athens? Where-all kin I find the Council of Elders or else the Executive Board? I brung some news». Наконец, в опубликованном в Нигерии варианте комедии в тех же целях применяется пользующийся низким социальным престижем нигерийский пиджин: «M e s s e n g e r. Wusa ah go find una chiefs or wetin una de call dem leaders? Ah bring important news for dem» [29, с. 110—114]. Такого рода прием, т. е. передача диалектной речи с помощью диалектов языка перевода, явно противоречит принятой у нас норме, не допускающей полной русификации подлинника и лишения его национального колорита. Именно поэтому русский переводчик комедии — А. Пиотровский — использовал для речевой характеристики этого персонажа отдельные элементы сниженной разговорной речи: «Привязался же, болтун!», «Что за вздор еще!», «От Лампито пошла зараза» и др.

Аналогичные компенсационные приемы используются и при передаче ситуативной вариативности языка. Одним из проявлений ее является варьирование тональности речи под влиянием меняющихся ролевых отно-

шений между участниками коммуникативного акта, описываемого в тексте. В русском языке одним из индикаторов ролевых отношений служат личные местоимения *ты* или *вы* при обращении к собеседнику. При переводе на английский язык, где отсутствует аналогичная система местоименных оппозиций, требуется каждый раз подыскивать функциональный эквивалент, передающий те же ситуативно обусловленные значения. Рассмотрим несколько примеров из перевода на английский язык романа Достоевского «Идиот»: «Евгений Павлович, это ты? ... Ну как же я рада, что наконец разыскала...» — «Is that you, Eugene, darling, I'm so glad to have found you at last...»; «И не может он быть на ты и в таких дружеских отношениях с Настасьей Филипповной — вот в чем главная задача» — «And he couldn't be on such familiar and friendly terms with Nastasya Filippovna — that's what's so puzzling about the whole affair»; «— Кстати! Кстати! — опомнился наконец Парфен, — Милости просим, входи. Они говорили друг другу на ты». — «No, no, — Parfyon cried recollecting himself, — Do come in, I'm so glad to see you. They spoke to each other like two old friends». В первом примере Настасья Филипповна при всех обращается к Евгению Павловичу на «ты», подчеркнуто афишируя близкие отношения с ним. Здесь переводчик использует в качестве аналога интимное обращение *darling*. Во втором примере то же самое предстает перед нами с точки зрения лиц, присутствовавших при этой сцене. Здесь, по-видимому, важно не само обращение, а то, что за ним кроется (фамильярные и дружеские отношения). Наконец, в последнем примере князь Мышкин и Парфен Рогожин разговаривают друг с другом на «ты» («как старые друзья» в интерпретации переводчика). Так в переводе отражается полифункциональность социального маркера.

Таким образом, решая задачи, связанные с отражением в тексте стратификационной вариативности языка, переводчик вплотную сталкивается с проблемой «язык и социальная структура». Стремясь учесть в переводе ситуативную вариативность, он фактически имеет дело с языковыми рефлексам межличностных отношений, т. е. с одним из аспектов проблемы «язык и социология личности».

Использование понятийного аппарата и инструментария современной социалингвистики дает возможность глубже проникнуть в механизм перевода, выявить его социальные детерминанты, точнее охарактеризовать всю сложность и противоречивость стоящих перед ним задач и неоднозначность переводческого решения. Все это позволяет, на наш взгляд, расширить и углубить наши представления об этом во многом еще неясном для нас процессе и открывает новые перспективы перед наукой о переводе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М., 1975.
2. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М., 1980.
3. Jager G. Translation und Translationslinguistik. Halle (Saale), 1975.
4. Kade O. Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung. Leipzig, 1980.
5. Wills W. Übersetzungswissenschaft. Probleme und Methoden. Stuttgart, 1980.
6. Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. Heidelberg, 1983.
7. Кашкин И. Для читателя-современника. Статьи и исследования. М., 1977.
8. Kade O. Zu einigen Grundpositionen bei der theoretischen Erklärung der Sprachmittlung als menschlicher Tätigkeit. — In: Übersetzungswissenschaftliche Beiträge, Leipzig, 1977.
9. Латышев Л. К. Проблема эквивалентности в переводе: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1983.
10. Nida E., Taber Ch. The theory and practice of translation. Leiden, 1969.
11. Sveizer A. D. Übersetzung und Soziolinguistik. — In: Übersetzungswissenschaftliche Beiträge. Leipzig, 1977.
12. Stolze R. Grundlagen der Textübersetzung. Heidelberg, 1982.
13. Neubert A. Übersetzungswissenschaft in soziolinguistischer Sicht. — In: Übersetzungswissenschaftliche Beiträge. Leipzig, 1977.
14. Reiss K. Texttyp und Übersetzungsmethode. Der Operative Text. Kronberg, 1976.
15. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., 1973.
16. Левицкий Р. Обращение функциональной адекватности перевода. — Сопоставительно-языковедение, 1984. № 3.

17. *Neubert A.* Pragmatische Aspekte der Übersetzung.— In: Grundfragen der Übersetzungswissenschaft. Leipzig, 1968.
18. *Mounin G.* Les problèmes théoriques de la traduction. Paris, 1963.
19. *Россельс Вл.* Заботы переводчика классики.— Тетради переводчика, 1967, № 4.
20. *Чуковский К. И.* Искусство перевода. М.— Л., 1936.
21. *Halliday M. A.* Language as social semiotic. London, 1979.
22. *Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе. М., 1971.
23. *Кречмар А.* О понятийном аппарате социологической теории личности.— В кн.: Социальные исследования. Теория и методы. М., 1970.
24. *Федоров А. Ф.* Основы общей теории перевода. М., 1983.
25. *Nida E.* Language structure and translation. Stanford, 1975.
26. *Левин Ю. Д.* Бернс на русском языке.— В кн.: *Бернс Р.* Стихотворения. М., 1982.
27. *Nida E.* Linguistics and ethnology in translation problems.— In: Language in culture and society. New York, 1964.
28. *Шейцер А. Д.* Современная социоллингвистика. Теория, проблемы, методы. М., 1976.
29. *Bailey R. W., J. L. Robinson.* Varieties of present-day English. New York, 1973.